

— Опять греешься на солнце, — Хань Мин перешагнул порог кабинета и тут же заметил, что Восточный владыка дремлет в кресле, прикрыв глаза.

Окна кабинета были распахнуты настежь. Потоки яркого, ничем не сдерживаемого солнечного света заливали фигуру Дун Яо; под этим теплом даже лежащий у его локтя короткий вороненый кинжал, казалось, утратил часть своей хищной ярости.

Услышав голос Хань Мина, Дун Яо позволил едва выдвинутому лезвию бесшумно скользнуть обратно в ножны. Он небрежно взглянул на редкого гостя своими зелеными глазами, в которых сквозила ленивая истома:

— Я не греюсь на солнце. Я жду, когда солнце придет само.

Хань Мин удивленно вскинул брови.

Ему явно не показалось: под «солнцем» хозяин кабинета имел в виду именно его.

Не он ли при прошлой встрече съязвил, назвав Дун Яо «солнцем Восточного сектора»? И вот теперь этот гордец возвращает шпильку. Неужели он сам держится настолько высокомерно, что заслужил подобное сравнение?

В любой другой день Хань Мин с удовольствием бы попикировался с ним, но сейчас было не до шуток.

Поэтому он сразу перешел к делу:

— Сегодня над Восточным королевским дворцом кружила стая ястребов. Наверняка ими кто-то управлял. Как ты планируешь...

Однако на полуслове Хань Мин замолчал, поймав спокойный, бесстрастный взгляд Дун Яо.

— Ты уже знаешь. Вернее, ты сам все видел.

Кабинет Дун Яо располагался на верхнем этаже Главного зала, а задний сад раскинулся прямо между Главным залом и боковым залом. Из распахнутого окна открывался идеальный обзор на каждый уголок внизу.

Учитывая, что сегодня створки были распахнуты настежь, Восточный владыка, скорее всего, наблюдал за представлением от начала и до конца.

Значит, он действительно ждал его появления. Он знал, что ради своего попугая Хань Мин обязательно явится лично.

— Перед обеденным сном посмотрел из окна отличное представление, — не стал отпираться Дун Яо. Он небрежно смахнул с кресла упавший сухой лист и негромко фыркнул: — Сначала я подумал, что это обычный закон выживания, где сильный пожирает слабого. Но потом понял, что это просто нелепый фарс.

Получается, Дун Яо видел не только то, как хищные птицы атаковали Маленькую принцессу, а бродячая кошка пыталась разодрать его когтями. Он видел и финал — появление Ань Ина в саду.

Он не упустил ни единой детали.

Хань Мин скользнул взглядом по валявшимся на полу листьям комнатного денежного дерева.

Его не удивляло, что Дун Яо хладнокровно забавлялся созерцанием звериной грызни. Хань Мин не был настолько самонадеянным, чтобы ожидать от кого-то еще переживаний о здоровье попугая. Тем более что Дун Яо всегда терпеть не мог его Маленькую принцессу.

Поэтому раньше он даже не заикался о птице.

На самом деле, судя по опавшим листьям в кабинете и точно таким же, глубоко вонзившимся в землю сада внизу, Дун Яо проявил редкое великодушие. Он вовремя понял, что появление Ань Ина — это не случайное совпадение, а спланированная атака, и вмешался, пустив эти листья в ход.

Трудно сказать, насколько спасение Маленькой принцессы зависело от этого вмешательства, но факт оставался фактом.

Эту услугу Хань Мину придется признать.

Но если Дун Яо знал обо всем с самого начала, почему он не предпринял никаких мер, а просто сидел и ждал его здесь?

Зачем? Чтобы Хань Мин сам разобрался с последствиями выходок Ань Ина?

Вспомнив, что Дун Яо назвал случившееся «фарсом», Хань Мин снова бросил взгляд на листья под ногами и наконец закончил свой прерванный вопрос:

— И как ты планируешь поступить с зачинщиком этого фарса?

На это Дун Яо ответил коротко:

— Поступай как знаешь.

Этот неожиданный ответ заставил Хань Мина на секунду замолчать.

Изначально он думал, что даже если Дун Яо в очередной раз спустит Ань Ину все с рук, он разберется с мерзавцем по-своему. И пусть уровень доверия Дун Яо после этого рухнет — ему плевать.

В конце концов, показатель доверия давно застыл на пятидесяти процентах, что означало ровно столько же подозрений.

Хотя прошлый опыт подсказывал, что выгода от негативных эмоций гораздо скромнее, если доверие больше не росло, то почему бы не попробовать сыграть на подозрительности?

Хань Мин уже детально спланировал свои действия, однако тайное заступничество Дун Яо и его нынешний ответ заставили его уступить.

Ему вдруг стало невыразимо скучно.

Он определенно не создан для долгого общения с людьми. Чем ближе сходишься с кем-то, тем больше появляется негласных обязательств и сомнений.

Жизнь в Восточном секторе теряла всякий вкус.

Когда он уже развернулся, собираясь уйти, Дун Яо отложил кинжал и неожиданно спросил:

— До меня дошли слухи, что ты недавно снова отправил военные корабли к границе между Восточным и Южным секторами. Снарядил их новейшими инфракрасными детекторами. Что ты там ищешь?

* «Там лежит твоя жизнь».*

Хань Мин мысленно выругался. Последние недели он всеми силами пытался разыскать гнездо космических тварей. Но пограничная зона была слишком чувствительной территорией, военные корабли не могли пройти туда открыто, из-за чего поиски до сих пор не увенчались успехом.

Если бы не это обстоятельство, он бы не стал терпеть выходки Ань Ина до сих пор.

Смешно: пока Хань Мин ломал голову над тем, как спасти жизнь Дун Яо, сам Восточный владыка только и делал, что усложнял ему задачу.

Прежде чем Хань Мин успел придумать достойный ответ, Дун Яо сам закрыл тему:

— Впрочем, неважно. Что бы ты ни планировал, в начале октября я хочу, чтобы ты оставался в Восточном королевском дворце.

* «Остаться во дворце, чтобы устроить приветственный прием в честь Ань Ина?»*

* «Или Дун Яо планирует что-то крупное на десятое октября?»*

Вспомнив мельком увиденный на столе Дун Яо документ с датой своего дня рождения, Хань Мин решил пока не забивать себе голову лишними догадками. Он коротко бросил стоящему позади Лин Чжоу:

— Приведи Ань Ина в задний сад.

Чуть раньше Ань Ин прислал ему сообщение о том, что ждет его в тренировочном зале. Наверное, понимал, что Хань Мин не оставит эту историю без внимания, и решил явиться с повинной в надежде на снисхождение.

От подобной наглости Хань Мину хотелось рассмеяться.

Последние три года он заставлял себя играть по правилам, умиряя врожденное высокомерие. Он понимал: это не суровый Северный сектор, и раз уж у него есть здесь своя цель, придется набраться терпения.

Но сегодня сдерживаться не хотелось.

Задний сад Восточного королевского дворца находился совсем рядом с тренировочным залом. Прошло всего три минуты, и Лин Чжоу уже швырнул Ань Ина на усыпанную гравием дорожку.

Удивительно, но дипломат даже не стал возмущаться столь бесцеремонным обращением и не пытался прикидываться дурачком. Он лишь выдавил натянутую улыбку:

— За последние дни мы часто виделись в тренировочном зале, но так ни разу и не померились силами. Я как раз собирался предложить вам немного размяться там, но, кажется, вам больше по душе сад?

Называя это «разминкой», Ань Ин просто искал способ загладить вину и унять гнев Хань Мина.

Поняв, что очаровать попугая не удалось и тот благополучно улетел, он осознал, что шила в мешке не утаить. Единственным выходом было признать ошибку. В конце концов, этот инцидент ставил под удар не просто птицу, а безопасность всего Восточного королевского дворца.

Если дать делу ход, последствия могли оказаться непредсказуемыми.

— Помериться силами? — безразличным тоном повторил Хань Мин. Он небрежно бросил Ань Ину кинжал и кивком велел атаковать первым: — Что ж, пусть будет так. И наш бой закончится в тот момент, когда ты сможешь нанести мне хотя бы одну царапину.

Столь быстрое согласие и до смешного легкое условие сбили Ань Ина с толку.

У Хань Мина не было оружия, да и в саду особо негде укрыться. Чисто теоретически преимущество было полностью на стороне вооруженного соперника.

Однако эта иллюзия развеялась в прах, стоило Ань Ину сделать первый пробный выпад.

Он целился точно в живот, и его скорость была далеко не посредственной. Но Хань Мин лишь слегка качнулся в сторону, делая полшага назад, и без малейших усилий уклонился от острия.

Более того, он не просто уходил от ударов, но и легко контратаковал. Резким движением раскрыв ладонь, он симитировал удар ребром руки и замер в доле миллиметра от горла противника.

Хотя Хань Мин остановился вовремя, поднятый им резкий поток воздуха все же задел кожу Ань Ина, оставив на шее тонкую алую царапину.

Царапина была пустяковой.

Но ужас от осознания того, что его гортань едва не раздробили в щепки, сковал Ань Ина, парализуя разум. И в этот момент над его ухом раздался ровный, безэмоциональный голос Хань Мина:

— Это первая.

Этот спокойный подсчет и колоссальная пропасть в силе заставили Ань Ина понять: все только начинается.

Право закончить этот бой принадлежало вовсе не ему.

— Я...

Но Хань Мин уже опустил руку, развернулся и неторопливо отошел назад, давая ему возможность для нового выпада. На ходу он небрежно бросил:

— У нас в Северном секторе есть только два закона. Первый — око за око, кровь за кровь. Второй — если кто-то ранит меня на вершок, я верну ему стократно.

— Как думаешь, какой закон применим к тебе?

Хань Мин снова застыл на исходной точке. Теперь их разделяли пышные кусты цветущего львиного зева, но Ань Ин кожей чувствовал тяжелую, осязаемую ауру угрозы.

Хань Мин оказался куда опаснее, чем он предполагал.

Столкнувшись с его безжалостным взглядом, в глубине которого, казалось, тлели золотые искры, Ань Ин почувствовал себя беспомощной дичью, загнанной в клетку с самого начала.

Понимая, что добром этот день не кончится, он впервые в жизни пожалел, что тронул проклятую птицу.

— Семнадцатая.

— Если ты умудрился оставить на моем попугае целых семьдесят семь ран, неужели не сможешь зацепить меня хотя бы раз, Ань Ин?

Каждое бесстрастное число, срывающееся с губ Хань Мина, звучало как смертный приговор, и Ань Ин не представлял, когда этот кошмар закончится.

Множество мелких порезов горели огнем, а удушающая аура противника лишала сил — очень скоро дипломат взмок от холодного пота.

Лишь столкнувшись с Хань Мином лицом к лицу, можно было в полной мере ощутить исходящую от него пугающую, почти нечеловеческую отстраненность.

Пальцы Ань Ина дрожали, рукоять кинжала выскользнула из влажной ладони. Не в силах больше терпеть это издевательство, он швырнул оружие на землю и закричал на грани истерики:

— Да, сегодня я виноват! Но я клянусь, я не собирался калечить твоего попугая!

— Я просто безумно завидовал тебе! В какой-то момент эмоции взяли верх, и я сорвал злость на этой птице!

— Ведь в твоих глазах никто из людей не стоит даже пера этого попугая!

Ань Ин не лгал.

После двух сокрушительных поражений со своим Очарованием он действительно решил на

время присмиреть и сосредоточиться на тренировках таланта, пытаясь применять его на различных животных.

Как раз сейчас начался сезон миграции ястребов. Вчера, закончив занятия в тренировочном зале, он потратил полдня, оттачивая Очарование на птичьих стаях. Ближе к вечеру он отправился в задний сад, надеясь выследить дикую кошку, чтобы за один день подчинить своей воле и пернатых, и четвероногих.

Но кошка оказалась слишком шустрой. Погоня затянулась, и ноги сами привели его к той самой тропинке, где он когда-то впервые столкнулся с Восточным владыкой.

Львиный зев в саду цвел буйным цветом, и зверь мгновенно скрылся среди высоких стеблей. Измученный Ань Ин опустился на землю прямо у клумбы, решил перевести дух под лучами заходящего солнца и подождать, пока кошка выберется наружу.

Однако стоило ему вскинуть взгляд к небу, как улыбка мгновенно сползла с его лица.

Он действительно увидел багровый закат, но в том же направлении находился и боковой зал — вернее, его верхний этаж.

Точка, где сейчас сидел Ань Ин, находилась в точности под окнами кабинета Дун Яо. Его нынешний ракурс в точности повторял обзор правителя.

Если вспомнить, как Дун Яо тогда неосознанно прошептал имя «Хань Мин», истинная причина его дневного сна на этом месте становилась очевидной.

Он просто ждал возвращения Хань Мина.

Но Хань Мину было абсолютно все равно!

Он наверняка давно разгадал талант Ань Ина к Очарованию и даже догадался о его попытках воздействовать на Дун Яо. Но он ни словом не обмолвился владыке об этой угрозе.

Более того, судя по вечному равнодушию Хань Мина, он не испытывал к Восточному сектору ни капли привязанности.

Разве заслуживал такой человек преданности Дун Яо?

В тот миг Ань Ин почему-то вспомнил, что символизирует львиный зев.

На языке цветов львиный зев означает обман.

О чем же думал Дун Яо каждый раз, когда смотрел на Хань Мина сквозь эти пышные соцветия?!

Неужели он продолжал любить его, даже зная, что Хань Мин коварно водит его за нос?

Но если Дун Яо действительно настолько сильно привязан к Хань Мину, то сработало ли на нем Очарование тогда, в самый первый раз?

Очарование — капризная сила. Чем выше ментальная стойкость цели, тем сложнее подчинить ее разум. И, по наблюдениям Ань Ина, у тех, в чьем сердце уже живет искреннее чувство, вырабатывается врожденный иммунитет к подобному влиянию.

Что, если Дун Яо вовсе не поддался контролю? Что, если он просто разгадал игру Хань Мина, решившего передать ему бразды правления, и подыграл ему?..

От одной этой мысли Ань Ин едва не сошел с ума от злости!

Благоговение перед владыкой, ярость от осознания того, что его обвели вокруг пальца, и удушающая зависть разом захлестнули его сознание. Он почувствовал себя жалким шутком.

И в этот самый момент над его головой с громким криком пролетел попугай. Идея отомстить родилась мгновенно.

Он сказал правду: им правила чистая зависть.

Почему кто-то получает столь желанную любовь без малейших усилий, пока он сам бьется в закрытые двери? Как тут не лишиться рассудка от обиды!

И этот минутный порыв привел к тому, что теперь его избивали в заднем саду.

Это не было поединком — Хань Мин методично и безжалостно уничтожал его. Ань Ину оставалось лишь безмолвно надеяться, что мучитель остановится, нанеся ровно семьдесят семь порезов.

Откуда в этом человеке такая сокрушительная мощь?!

Зависть вперемешку с уязвленной гордостью отравляли его душу. В конце концов Ань Ин, окончательно потеряв лицо, со злостью выплюнул:

— Как же глупо! Пусть для тебя какая-то птица дороже человеческих жизней, в этом дворце все равно полно дураков, готовых любить тебя до беспамятства! Они смотрят только на тебя и никого больше вокруг не замечают!

— Разве хотеть любви — это преступление? Да будет тебе известно, мой врожденный талант — Очарование!

— Я рожден, чтобы искать любовь, чтобы быть в самом центре чужого внимания! Почему я должен стыдиться своей природы?!

Хань Мин обычно пропускал подобный бред мимо ушей, однако последняя фраза заставила его на долю секунды замереть.

Это мимолетное замешательство уловил лишь стоявший неподалеку Лин Чжоу.

В воцарившейся тишине из окна бокового зала стремительной стрелой вылетел попугай. Он спикировал вниз и принялся яростно верещать на Ань Ина:

— Псих! Псих! Такой самородок шизы даже золотоискатели не откопают! Псих!

Слух у птицы был отменный.

Шум в саду привлек ее внимание, а недюжинный интеллект позволил быстро сообразить, кто именно стоял за сегодняшним нападением. Поняв, что именно Ань Ин виновен в ее ранениях, принцесса не поскупилась на выражения.

Впрочем, за садом наблюдал далеко не только попугай.

Хань Мин бросил короткий взгляд на окна Кабинета главного дворца, после чего ленивым движением ноги пнул валявшийся на земле кинжал обратно к Ань Ину. Стоило дипломату, стиснув зубы, снова схватиться за рукоять, как на его теле появился сороковой порез — зеркальное отражение ран пострадавшей птицы.

— Кажется, моя принцесса не принимает твоих оправданий, — обронил Хань Мин.

Слушая птичью ругань, Ань Ин парадоксальным образом почувствовал, как злость утихает, а разум проясняется.

— Знаю, звучит сомнительно... Но хоть я и терпеть не могу зверье, калечить твою птицу я не планировал.

Ань Ин был незапланированным ребенком.

Поскольку в семье уже подрастали успешные старшие братья и сестры, его появления никто не ждал, а после рождения родители и вовсе забыли о его существовании. В детстве он мало что смыслил в подобных вещах. Оставшись без тепла близких, мальчик завел маленькую собаку, которая стала его единственным другом.

Она была послушной и ласковой, признавая только его. Ань Ин верил, что они будут расти вместе, но вскоре питомца заприметил его старший брат и потребовал отдать ему. Получив твердый отказ, тот просто швырнул собаку об стену на глазах у потрясенного мальчика, забив ее насмерть.

Позже Ань Ин приручил черного кота — животное, которого все в доме сторонились из-за глупых суеверий.

На этот раз отбирать любимца никто не стал, и они мирно прожили бок о бок десять лет. Мальчик верил, что они будут вместе всегда.

Но на десятый год, во время заурядного приема в Южном секторе, проходящий мимо гость лишь мельком взглянул на кота — и домашний любимец, даже не обернувшись, покорно ушел вслед за чужаком.

—... Лишь позже я понял, что у того человека был какой-то ментальный талант, подавивший волю животного.

Ань Ин не стал вдаваться в подробности своей безрадостной юности.

Он рассказал эту историю отчасти ради того, чтобы вызвать у Хань Мина жалость, а отчасти — чтобы доказать: при всей своей нелюбви к зверям, он никогда бы не опустился до намеренного садизма.

— Из-за этой неприязни мне сложно до конца контролировать силу, а сегодня я пытался подчинить слишком много птиц одновременно. Вот Очарование и дало сбой.

— Я всего лишь хотел, чтобы ястребы загоняли твоего попугая в сад, где я мог бы спокойно наложить на него ментальный блок. Но птицы и эта бродячая кошка, видимо, уловили мою злость и начали нападать на него... Что ж, со зверями у меня взаимная вражда. Я действительно их ненавижу.

И на этот раз он не врал.

Покалеченная птица не принесла бы ему никакой выгоды. Его целью было незаметно применить Очарование к попугаю и тем самым досадить Хань Мину. Но теперь, когда раны птицы были у всех на виду, скрывать содеянное стало бессмысленно.

— Я знаю. Поэтому сегодня к тебе применим первый закон Северного сектора.

Хань Мин отлично понимал, что слова Ань Ина правдивы.

Осматривая пострадавшую птицу, он сразу заметил, что раны хоть и выглядели жутко, на деле

были лишь поверхностными порезами. Будь у Ань Ина умысел забить попугая до смерти с помощью хищников, последствия были бы куда страшнее.

Именно поэтому сегодня Хань Мин ограничился простым возмездием.

Хань Мин легким ударом выбил кинжал из ослабевших пальцев Ань Ина и под одобрительное чириканье принцессы спокойно озвучил финальную цифру:

— Семьдесят семь.

Затем он взял у Лин Чжоу чистое полотенце и принялся неторопливо, палец за пальцем, стирать чужую кровь со своих рук. Одновременно с этим он устремил взгляд на окна Кабинета главного дворца.

Перенося место расправы в сад, он хотел не только дать своей принцессе полюбоваться на справедливое возмездие, но и наглядно продемонстрировать Дун Яо свои границы.

Как бы правитель ни опекал Ань Ина, то, что произошло сейчас — абсолютный предел его терпения.

Но встретившись взглядом с Дун Яо, стоящим у окна, Хань Мин невольно нахмурился.

Если зрение его не обманывало... Восточный владыка слегка улыбался.

«Что это значит?»

«Не мог же он улыбаться от ярости?»

Поскольку Ань Ин стоял спиной к главному залу, он не заметил этого безмолвного контакта и решил, что Хань Мин недоволен лично им.

«Я получил столько порезов, а он все еще злится?»

Дипломат, всегда панически боявшийся боли, даже не подумал бежать к медицинской капсуле. Пытаясь оправдаться то ли перед победителем, то ли перед самим собой, он упрямо продолжил:

— Пусть из-за того приема я лишился кота, но та гостья открыла мне глаза на одну важную истину.

— Благодаря ей я понял, что любовь можно получить в одно мгновение.

— Если к любви есть короткий путь, а у меня, как и у нее, есть пропуск на эту тропу, с какой стати я должен отказываться?

— Это мой врожденный талант. Почему я должен подавлять его в себе?

— По сравнению со мной, именно такие, как ты — настоящие аномалии, — Ань Ин в упор посмотрел Хань Мину в глаза.

В прошлый раз он не успел разглядеть детали, но сейчас, под набежавшими тучами хмурого неба, он отчетливо увидел, как радужка Хань Мина вспыхнула чистым золотом. Даже теперь благородное золотое сияние в его глубине еще не успело угаснуть.

«Раньше до меня доходили лишь слухи о том, что глаза правителей под воздействием эмоций могут отливать серебром. Но я никогда не слышал, чтобы у кого-то до коронации глаза светились золотом. Неужели в нем дремлет потенциал истинного владыки?»

Сметенный этой догадкой, Ань Ин спросил со смесью страха и любопытства:

— Твой талант ведь тоже относится к категории поддержки, верно?

— Но если ты всего лишь помощник, зачем тебе эта чудовищная сила? Раз уж ты настолько одержим превосходством, почему тогда твой разум при пробуждении выбрал именно вспомогательный талант?

При этих словах Хань Мин перестал вытирать пальцы.

Если отбросить личную неприязнь, поразительная честность Ань Ина по отношению к собственной силе действительно задела за живое.

Этот вопрос заставил Хань Мина в сотый раз вернуться к загадке, которую он так и не смог разрешить: почему в момент инициации его талантом стал именно «Ниже лишь одного»?

О чем же он думал в ту самую секунду, когда его сила явилась миру?

Погрузившись в мысли, он машинально поднял глаза — и столкнулся со спокойным взглядом Лин Чжоу, который как раз бесшумно протягивал ему стакан с водой.

<http://bllate.org/book/18306/1755320>